

ВЕСТНИК

КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
и м. Н. А. НЕКРАСОВА

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Выходит с 1995 г.

2008   **Том 14**

ОСНОВНОЙ ВЫПУСК

№ 4

октябрь – декабрь

Учредитель
Костромской государственный университет
имени Н.А. Некрасова

СОДЕРЖАНИЕ

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

- 5 **Беркман М.И., Гарипов Д.Г.**
Автомодельное решение в виде солитона при локальном импульсном возбуждении длинной металлической конструкции

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

- 9 **Атепалихина И.Л.**
Интегрирующие связи как средство повышения эффективности обучения стохастике в школе
- 12 **Абрамова С.Ю.**
Теоретические основы развития творческих качеств у учащихся 5–9 классов средствами современных педагогических технологий
- 16 **Дедюхина Т.И.**
Функции механизмов формирования психологического пола в полоролевой социализации девочек
- 20 **Доброва Л.В.**
Совершенствование методики преподавания общепрофессиональных дисциплин в высшей технической школе
- 24 **Зуева М.Л.**
Методическая система формирования ключевых образовательных компетенций при обучении математике
- 30 **Климентьева В.В.**
Развитие исследовательских умений будущего учителя иностранного языка (в рамках творческого проекта на основе интернет-ресурсов)
- 34 **Коровина М.В.**
Феномен сверхзначимости внешних оценок и субъективное неблагополучие личности
- 38 **Котенёва А.В.**
Духовные ценности как фактор психологической защищенности личности
- 44 **Крулехт А.А.**
Культура потребления как современная проблема воспитания личности
- 48 **Калинина С.Б., Порхун Л.В.**
Образ «Я» и социальная адаптация подростков средствами психологического тренинга (технологический аспект)

ИСТОРИЯ ЖИЗНИ КОСТРОМСКОГО КРЕПОСТНОГО ЖИВОПИСЦА I пол. XIX в. АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА ПОЛЯКОВА (1801–1835 гг.)

Знаменитым памятником русской истории и культуры I половины XIX века является «Портретная галерея Героев Отечественной войны 1812 года» в залах Зимнего дворца, созданная между 1819–1828 годами, английским портретистом Джорджем Доу (1781–1829).

Хорошо известно, что над созданием этого грандиозного памятника состоящего из 332-х полотен трудился не один Д. Доу, у него были русские помощники: Вильгельм Август Голике (1802–1849) и крепостной художник костромского происхождения Александр Васильевич Поляков (1801–1835).

Из истории создания галереи видно, что многие из портретов знаменитых полководцев и участников войны 1812 года были созданы именно ими. Об этом убедительно свидетельствуют документы, связанные с громким скандалом разразившемся 3 февраля 1828 года на заседании комитета «Общества поощрения художников». Там был сделан доклад на тему: «О предосудительных поступках художника Доу» и заслушаны свидетельские показания академика Г. Венецианова, художника Гейтмана и купца Федорова¹. Эти документы проливали свет на деятельность английского портретиста в России, на нещадную эксплуатацию своих «собратей по цеху». Выяснилось, что многие портреты, созданные Голике и Поляковым для галереи, были подписаны англичанином и выдавались им за свои².

Из подобного обстоятельства встает вопрос об авторстве полотен в «Портретной галерее героев Отечественной войны 1812 года». Кому именно из трёх художников принадлежит тот, или иной портрет. Ответить на него достаточно сложно. За свое 180-летнее существование галерея не покидала своих стен, за исключением пожара 1837 года³. Она не была комплексно изучена с привлечением новейших технологических методов. Атрибуция портретов осложнена еще и тем, что по всем без исключения портретам прошла кисть Д. Доу. В этой связи можно оп-

ределить лишь круг лиц, портреты которых могли быть написаны В. Голике и А.В. Поляковым.

Известно, что из 332 персонажей представленных в галерее, 77 героев Отечественной войны к моменту создания галереи уже умерли и не могли позировать Доу.

Вот из этого круга портретированных лиц и можно вычленил работы В. Голике и А.В. Полякова. Из 77 портретов, только 10 подписаны Д. Доу, остальные 67, по всей видимости, были копиями с ранее созданных изображений умерших лиц. Логично предположить, что работать над копиями не представляло для Д. Доу интереса. Он не опасался претензий со стороны родственников умершего за отсутствие сходства. Так как оригиналами для будущего портрета, служили детские или подростковые изображения впоследствии героически погибших русских воинов. Эти ранние изображения не отличались особым художественным мастерством, поскольку часто принадлежали доморощенным живописцам. Д. Доу мог свободно перепоручить копирование этих работ своим помощникам: В. Голике и А.В. Полякову. Расчетливый иностранец портреты наиболее родовитых военных и высших военных чинов писал сам. Согласно чину и должности эти изображения размещались в нижних рядах галереи и были особенно хорошо видны зрителю. Большинство же портретов верхних рядов, выполненных, как правило с присланных оригиналов, несомненно принадлежат А. Полякову и В. Голике.

Работая по атрибуции полотен, исследователю необходимо иметь эталонные произведения того или иного мастера, желательно с его подлинными подписями. В данном случае автор этих строк благодарен научному сотруднику отдела русского искусства Государственного Эрмитажа И.Г. Котельниковой и сотруднику хранения ГРМ Р.И. Дашкиной, за предоставленную возможность познакомиться с подлинными произведениями Д. Доу и В. Голике, в собраниях этих музеев.

Рис. 1. Поляков А.В. (1801–1835).
Портрет М.Ф. Корниловой
и М.Л. Куломзиной. 1824 г.

Что же касается Александра Васильевича Полякова, уроженца села Зиновьева Костромской губернии (ныне п. Кирово), то в собрании «Костромского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника» находятся эталонные, подлинные портреты художника, представляющие фамильную портретную галерею дворян Корниловых.

Предыстория возникновения этой фамильной портретной галереи такова: в 1802 году небогатый псковский помещик, впоследствии генерал, герой Отечественной войны 1812 года Петр Яковлевич Корнилов женился на состоятельной костромской дворянке Марии Федоровне Аристовой. Он получил в приданое за женой: каменный дом в Костроме (ул. Ильинская д. 11), большое село «Зиновьево» (ныне Кирово) и 450 душ крепостных, к числу которых относился и художник. Портретная галерея Корниловых, по всей видимости, создавалась как в их загородной усадьбе, так и в Костроме.

О ранних годах жизни художника А.В. Полякова ничего не известно. Из архива семьи Корниловых⁴ мы узнаём, что в их костромском доме, который и сейчас хорошо сохранился (ул. Чайковская, д. 11), работал художник Степан Васильевич Поплавский. Он являлся дворовым живопис-

цем известного костромского вельможи С.С. Борщёва, городская усадьба которого, до сих пор укрывает центральную часть Костромы. Это обстоятельство побудило некоторых исследователей творчества Полякова⁵ выдвинуть версию о Поплавском, как о первом учителе художника. Но достаточно сравнить даты на документах, и становится ясно, что в 1825 году, когда С.В. Поплавский работал у Корниловых, А.В. Поляков уже трудился в мастерской Д. Доу в Петербурге. Документов, подтверждающих наличие у Поплавского учеников, в архивах Костромы не обнаружено.

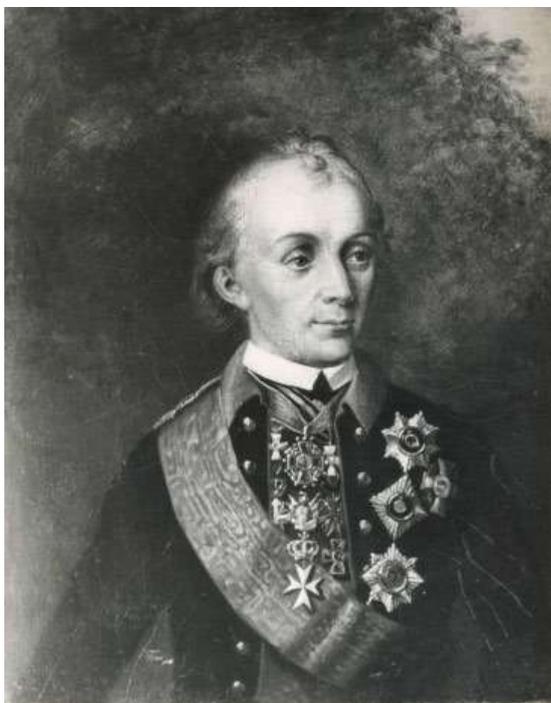
Где и у кого учился художник, успехи которого позволили П.Я. Корнилову определить своего крепостного художника к именитому англичанину пока не известно. Отчасти, на этот вопрос ответил сам хозяин Полякова – П.Я. Корнилов в 1828 году в письме к министру двора, князю Петру Михайловичу Волконскому. На запрос последнего о выкупе А.В. Полякова из крепостной зависимости П.Я. Корнилов сообщает: «...принадлежащий мне после покойной жены моей крепостной человек Александр Поляков, находящийся у живописца Дова для занятия по портретной живописи, которого я изучал прежде живописи в городах Костроме и Москве более двенадцати лет...»⁶.

Рис. 2. Джордж Доу (1781–1829).
Портрет П.Я. Корнилова. 1822 г.

В книге М.Д. Курмачевой «Крепостная интеллигенция России II половины XVIII – нач. XIX века», автор выдвинул версию о том, что Поляков был учеником отца академика Якова Андреевича Васильева: «... который, надеясь на данное слово помещика относительно будущей участи мальчика, занимался его образованием. Став художником, Поляков писал портреты в богатых петербургских домах. Его работы отличались академическими медалями. Но вдруг хозяин потребовал его к себе навсегда. Яков Андреевич Васильев пробовал хлопотать, но безуспешно. Полякова определили сопровождать своего господина на запятках кареты по Петербургу»⁷.

К сожалению, автор не ссылается на источник данного факта, но, тем не менее, смело можно утверждать, что к 1822 году Поляков получил определенные профессиональные навыки, может быть и в столичных городах. Подтверждением этого, служит работа А.В. Полякова «Портрет М.Ф. Корниловой и М.Ф. Куломзиной» (рис. 1), созданная до 1825 года, поскольку 16 июня 1825 года жена П.Я. Корнилова – Мария Федоровна Корнилова умерла. К этому же периоду, на наш взгляд, можно отнести не подписанный

Рис. 3. Поляков А.В. (1801–1835)
(С гравюры Н.И. Уткина 1818 г.)
Портрет А.В. Суворова. 1820-е гг.

Рис. 4. Поляков А.В. (1801–1835)

Портрет Петра Яковлевича Корнилова. 1826 г.

и не датированный «Портрет А.В. Суворова» (рис. 3), поступивший в собрание музея из имения Корниловых «Зиновьево» в 1918 году. В пользу авторства Полякова говорит то, что портрет был скопирован с известной гравюры Уткина 1818 года, т.е. временем, совпадающим с пребыванием Полякова в имении «Зиновьево». Да и зачем П.Я. Корнилову, имеющему дворового крепостного художника, прибегать к услугам другого портретиста. Этот портрет появился в доме Корниловых не случайно. Поскольку сам хозяин имения был воспитанником А.В. Суворова, которого русский генералиссимус в своё время охарактеризовал так: «отличаясь неустранимой храбростью, был примером подчиненным».

О личности П.Я. Корнилова, его доблести и отваге написано много, достаточно упомянуть очерк в «Характеристике русских генералов 1820 гг.», составленный П.Д. Киселевым и помещенным в журнале «Русская старина»⁸, а так же послужной список составленном историком А.В. Висковатым.

В костромском архиве семьи Корниловых, сохранилась переписка самого Петра Яковлевича Корнилова с П.Д. Киселевым, где в письме от 20 декабря 1827 года, он сам пишет о своей военной карьере: «...начав командовать дивизиями с 1813 го-

Рис. 5. Поляков А.В. (1801–1835)
Портрет Софьи Петровны. Корниловой. 1826 г.

да и состоял старшим в российской армии дивизионным начальником, всегда в рядах действующих войск, с которыми в течение всей службы сделал 16 компаний и был в 70-ти с лишком сражениях».

По сути, вся жизнь П.Я. Корнилова была одним военным походом с редкими посещениями семьи и дома. В послужном списке П.Я. Корнилова – перечислены все войны того времени, которые вела Россия начиная с войны 1790 года со Швецией; участие в Итальянском и Швейцарском походах под предводительством А.В. Суворова; война с Турцией в 1806–1811 годах; Отечественная война 1812 года. В военной компании 1812 года, его имя прогремело на всю Россию, так как он чуть не взял в плен Наполеона. Случай этот произошел 14 ноября 1812 года на маленькой речке Березине. П.Я. Корнилов не побоялся противостоят основным силам французов, преследуемыми отрядами М.М. Милорадовича и М.И. Платова. Со своим немногочисленным отрядом он удерживал огромную армию отступающего противника в течение трех часов.

Петр Яковлевич Корнилов (1770–1828) был не только храбрым солдатом, но и любящим мужем и заботливым отцом. П.Я. Корнилов пережил

свою супругу на три года, на её могиле он поставил памятник с нежной эпитафией: «Ты мне была нежнейшим другом, примером кротости и дружбы образцом. Я был счастливейшим супругом, а днесь печальнейшим восьми детей отцом». Сохранились воспоминания о П.Я. Корнилове его сына Аркадия: «...Лицо его никогда не изгладится из моей памяти, какое-то могущество в чертах большого размера. Лоб открытый, глаза пронизательные, густые брови, серьезный рот, и к тому же рост огромный, тело сильное. Лицо маменьки доброе, до чрезвычайности, приветливое, какая-то чувствительность в улыбке, взгляд удивительно пристальный, глаза, в которых выразились любовь и сострадание. Какого ума и любезности была эта женщина! Все, кто сколько-нибудь ее знали, обожали ее».

В портретной галерее Зимнего дворца портрет П.Я. Корнилова кисти Д. Доу занимает почетное место (рис. 2). Вероятно, позируя англичанину, П.Я. Корнилову пришла мысль об определении «в учение и работу» своего крепостного живописца. Не подозревая о том, чем может обернуться пребывание бесправного крепостного художника в этой мастерской. О существовании ещё одного портрета П.Я. Корнилова, принадле-

Рис. 6. Поляков А.В. (1801–1835)
Портрет Варвары Петровны Корниловой. 1825 г.

Рис. 7. Поляков А.В. (1801–1835)
Портрет близнецов Аркадия Петровича
и Ивана Петровича Корниловых. 1826 г.

жащего кисти А.В. Полякова, свидетельствует тот факт, что в описании имущества покойного художника от 9 января 1835 года под №10, числится: «подмалёванный портрет генерала Корнилова», место нахождения которого неизвестно.

Но для нас важным является рассмотрение подлинных портретов художника, непосредственно связанных с его пребыванием на Костромской земле.

Известно, что у четы Корниловых было десять детей: Павел (1803–1864), Петр (1804–1869), Софья (1806–1877), Ольга (1807– до 1825), Федор (1809–1895), Близнецы Аркадий (1811–1845) и Иван (1811–1901), Варвара (1815–?), Евгений (1822–1854), и Анна (1824–1871). Изображения этого семейства и составляло усадьбную портретную галерею, хотя, можно предположить, что портреты эти создавались не в самой усадьбе, а были привезены туда позднее, но источник поступления полотен один – имение Зиновьево. Из многочисленного семейства Корниловых, можно выделить «Портрет Петра Петровича Корнилова» (рис. 4), второго сына Петра Яковлевича, датированный приблизительно 1826 годом, о чем свидетельствует мундир камер-пажа Высочайшего двора, которым он являлся до службы в гвардейской артиллерии. Холст не отличается особым

художественным мастерством, А.В. Поляков не справляется с написанием рук, фигуры модели, она кажется необоснованно мала по сравнению с огромной головой. Достоинством портрета может служить портретное сходство, с живо написанным взглядом огромных карих глаз. По времени создания портрета, он совпадает с пребыванием А.В. Полякова в мастерской Д. Доу.

Следующим изображением служит «Портрет Софьи Петровны Корниловой» (рис. 5), написанный вероятно тогда же в 1826 году. Поскольку фасон платья и возраст модели, приблизительно около двадцати лет, не противоречат данной датировке. В художественном решении полотна, А.В. Полякову так же трудно как и в предыдущем портрете, справиться с задачей построения фигуры в пространстве, он не владеет анатомическим рисунком, что мешает придать портрету особую изысканность.

В женских изображениях, как будет замечено и дальше, А.В. Поляков более изыскан в подборе цветовой гаммы. Копируя достаточно много однотипных изображений для военной галереи, в женских портретах, ощущается стремление художника высветлить свою палитру, внести звучность цвета

Рис. 8. Неизвестный художник
первой половины XIX в.
Портрет Евгения Петровича Корнилова. 1850 г.

в свои полотна. Например, в детском «Портрете Варвары Петровны Корниловой» (рис. 6), А.В. Поляков оживляет композицию аллегорическим изображением цветов, очень модным приемом в столичной портретописии того времени.

В 1811 году, перед Отечественной войной, семейство Корниловых пополняется, у Марии Федоровны рождаются два мальчика близнеца: Аркадий и Иван. Их изображения в подростковом возрасте так же находятся в галерее (рис. 7). Завершающим портретом корниловской галереи является «Портрет Евгения Петровича Корнилова» (рис. 8), созданный неизвестным художником XIX века, но по своей стилистике и параметрам продолжающей фамильную серию изображений. Отсутствует в галерее портрет Анны Петровны Корниловой (1823–1871), родившейся в 1823 году, и вероятно, по молодости лет не включенный в фамильный ряд.

Оценивая фамильную галерею Корниловых в целом, создается впечатление об определенной зависимости художника от заказа, об ответственности непосредственно перед своими хозяевами. Фамильная портретная галерея Корниловых, создавалась А.В. Поляковым вероятно достаточно быстро, на протяжении 2–3 лет, так как холсты по времени исполнения разнятся в промежуток времени с 1824 по 1826 год.

П.Я. Корнилов, определяя своего крепостного к английскому живописцу, поставил условие Д. Доу, дать возможность Полякову посещать рисовальные классы Академии художеств, для дальнейшего профессионального роста. Но все условия контракта между хозяином художника и Д. Доу были нарушены со стороны последнего. Доу не только не заботился о совершенствовании мастерства своего ученика, он превратил А.В. Полякова в копировальную машину, стремясь как можно больше выжать из таланта художника. Д. Доу прекрасно осознавал, что бесправное положение Полякова не позволит художнику жаловаться куда-либо. А.В. Поляков не имел права покидать мастерскую англичанина, он был ограничен в общении, жил затворником в доме Доу на Дворцовой площади, в несохранившемся доме Буланта. А.В. Поляков, долгое время даже не подозревал о существовании еще одного помощника Д. Доу – Вильгельма Голике. Вместе с тем в обязанности молодого художника входила работа по 14 часов в день и написание по одному портрету в день.

Доведенный до отчаяния нищенским существованием, изнурительной работой в мастерской Доу, невозможностью обратиться непосредственно к П.Я. Корнилову, поскольку генерал в это время участвовал в боевых действиях Турецкой компании в Молдавии, А.В. Поляков обратится за помощью в «Общество поощрения художеств». На заседании общества 3 февраля 1828 года слушалось «Дело о неблагоприятном поступке г. Дова». Действенную роль в этом судьбе художника сыграл комитет общества под председательством П.А. Кикина, который представил в «Министерство Императорского двора и делов» подробную записку об этом разбирательстве. В ответном письме от 6 марта 1828 года министр кн. П.М. Волконский сообщил в общество о том, что император Николай I «соизволяет на откуп Полякова вечно на волю» и вместе с тем требует предоставить все доказательства⁹.

Огромное количество компрометирующих материалов позволяло привлечь Д. Доу к ответственности, однако могущественное покровительство двора убергло английского портретиста от публичного разбирательства вопиющих фактов подлога картин и денежных махинаций. В мае 1828 года Д. Доу получает официальный приказ покинуть пределы Русской империи.

Казалось бы на этом мучения А.В. Полякова должны были закончиться, началась новая жизнь полная творческих планов и надежд. Он был взят под опеку ОПХ с содержанием 30 рублей в месяц и получил возможность посещать рисовальные классы АХ. В отчете Комитета ОПХ за 1831 год говорилось, что «он продолжает заниматься живописью портретов с натуры и удостоился похвалы от Академии»¹⁰. Это был вероятно самый счастливый период жизни художника. О нём свидетельствует карандашный рисунок 1830 года созданный земляком А.В. Полякова, Г. Чернецовым, хранящийся в ГРМ. На академической выставке 1833 года экспонировались его портреты Николая I, «Полковника, смотрителя Преображенских казарм» и «Мужской портрет». В «Словаре русских художников, ваятелей, живописцев, рисовальщиков, граверов, литографов, медальеров...», созданном Н.П. Собко, упоминаются и другие работы Полякова: портреты А.Н. Греча, неизвестных художников Воробья и Тилинского, а так же некоего Ваккера¹¹.

Но на жизненном пути художника возникли новые препятствия. Они были связаны с поступ-

лением А.В. Полякова в Академию художеств, которое не могло осуществиться в связи с его крепостным положением. Устав Академии художеств запрещал принимать учеников из числа крепостных «не имеющих от господ своих увольнения». Ревностным последователем этого предписания был тогдашний президент АХ А. Оленин¹². Интересы крепостного художника с самого начала разбирательства с аферами Д. Доу, защищал министр двора П.М. Волконский. По его инициативе дело А.В. Полякова было продвинуто по всем инстанциям – вплоть до подписи Николая I – бумаги об освобождении художника и официального оформления дела. П.А. Волконский лично отправил П.Я. Корнилову, участвовавшему в то время в турецкой компании, письмо с просьбой об освобождении художника. Приведем его полностью: «Милостливый государь Петр Яковлевич, государю императору благоугодно было отпустить на волю принадлежавшего Вашему превосходительству человека Полякова, находившегося у живописца Доу для занятий по портретной живописи. Вследствие чего, по высочайшему повелению е.в. я покорнейше прошу Вас, милостливый государь, уведомить меня: какую цену желаете Вы получить за увольнение означенного Полякова. Имею честь быть с совершенным почтением покорнейший слуга кн. Петр Волконский. В СПб, 6 марта 1828 г. Его превосходительству П.Я. Корнилову». На письме собственноручно приписано П.Я. Корниловым: «Получено 22 марта, отвечал 6 апреля из Дубоссар». Надо признать, что письмо Волконского было равносильно приказу, и, повинувшись «высочайшему повелению», генерал-лейтенант П.Я. Корнилов, должен был выполнить его. Но из ответа П.Я. Корнилова, явствует, что бывший псковский помещик дорожит своим крепостным талантом, подчеркивает, что много затратил средств на его обучение и не называя цену, пишет: «... для доклада е.и.в., Вашему сиятельству ответить честь имею, что я за особенное вменяю счастье исполнить волю е.и.в. И за увольнение Полякова не смею назначить цену, а что угодно будет назначить е.и.в. ... совершенно доволен... 6 апреля 1828 г. Херсонская губ. г. Дубоссар».

Однако 10 июля 1828 года П.Я. Корнилов умер под крепостью Журжа на Дунае от открывшихся при летней жаре ран. Освобождение А.В. Полякова от крепостной зависимости, несмотря на «высочайшую волю» и выделенные ОПХ на эту

цель 2000 рублей, затянулось еще на несколько лет. Только спустя 5 лет, 13 июня 1833 года, гр. В.В. Мусин-Пушкин-Брюс, замещавший председателя Комитета ОПХ П.А. Кикина, в письме к Волконскому возобновил просьбу об освобождении А.В. Полякова. Это связано с тем, что в 1833 году А.В. Поляков заканчивает учебу в Академии. Без отпускной ему отказывают в присуждении звания «свободного» художника, в выдаче аттестата. Вместо этого он получает на руки временный билет «постороннего ученика» с правом проживания в Петербурге.

Между тем П.М. Волконский 14 июля 1833 года снова обращается к семье Корниловых; на этот раз ко второму сыну покойного – Петру Петровичу, находившемуся со своим полком при Красном селе. Ответ от 29 июня 1833 года, посланный в канцелярию министерства двора 3 июля того же года, гласит: «... Но как за последовавшей вскоре после того кончиною родителя моего означенный Поляков не получил и донныне свободы, то дабы привести к скорому исполнению высочайшее е. и. в. Повеление, счастливым считаю засвидетельствовать В.с., что как я, так и четыре брата и сестра, законные наследники покойного Петра Яковлевича Корнилова, чья память родителя, во всем согласны с его мнением, изложенным в отзывах к В.С. от 6 апр. 1828 г. и счастливыми себя почтим получить то, что е.и.в. благоугодно будет назначить». Только 11 октября 1833 года прислан был третьим из братьев Корниловых, Федором Петровичем, акт об увольнении Полякова.

По получении отпускной Полякова, П.М. Волконский передает этот поистине драгоценный документ графу В.В. Мусину-Пушкину-Брюс в ОПХ с сопроводительным письмом, где указывается: «что старшему из сыновей покойного генерал-лейтенанта Корнилова, отставному лейб-гвардии подпоручику Павлу Корнилову. В вознаграждение за увольнение означенного Полякова, всемилоостивейшее пожалована из Кабинета е.и.в. золотая, украшенная бриллиантами табакерка, ценою в три тысячи рублей, которая и будет к нему отправлена». В свое время граф В.В. Мусин-Пушкин-Брюс 16 декабря 1833 года направляет этот документ президенту Академии художеств А.Н. Оленину. Документ о присуждении звания А.В. Полякову «свободного художника», был зарегистрирован в журнале совета Академии художеств и подписан А.Н. Олениным, но так и не был вручен художнику. На аттестате

А.В. Полякова рукой А.Н. Оленина выведено: «Не выдавать до приказания и нумера не выставлять. Президент А. Оленин». Чем продиктован такой жесткий по отношению к художнику поступок, можно только догадываться.

Бесспорным остаётся то, что художник в последние два года тяжело болел, о чем свидетельствует его письмо неизвестному адресату от 3 января 1835 года: «Находясь в крайнем состоянии моего здоровья и по милости общества, как вашему превосходительству известно, получаю жалованье или награду по 30 рублей ежемесячно. Но как удручен болезнью почти год. И в течении сего времени не имея сил работать даже для пропитания, у меня с самой крайней экономией накопились долги. А распродавши, что было из собственных трудов, и получивши 60 рублей от милости общества, по возможности расплачиваюсь с долгами; теперь благодарение богу, здоровье моё стало по малу поправляться, но как у меня истощились деньги, я не имею средств удовлетворять врача и на каждодневные лекарства – принимаю смелость искать пособия у Вашего превосходительства...». Просьба Полякова была удовлетворена на другой же день, он получил по расписке 50 рублей, вероятно от председателя комитета ОПХ, так как на письме есть пометка: «письмо же сберечь до первого комитета».

Но материальная поддержка уже не потребовалась, через три дня, 7 января 1835 года художник умер. Аттестат об окончании Академии художеств, которого был удостоен А.В. Поляков «во внимание к известным трудам его», так в руки его и не попал. Он остался в архиве Академии художеств, где и находится до сих пор, но к помете А.Н. Оленина, добавилась еще одна: «Поляков умер 7-го с. генваря 1835-го, а потому аттестат этот хранить при делах. Григорович». А.В. Поляков был похоронен за счет Общества поощрения

художников на Смоленском кладбище Санкт-Петербурга, могила его сохранилась.

Жизнь и творчество А.В. Полякова сложились драматически. Будучи крепостным художником и по существу бесправным, он был лишён многих гражданских прав, включая право на академическое образование, затравленный иностранным проходимцем, в лице Д. Доу, работавший по 10 часов в сутки в его мастерской, художник утратил своё индивидуальное лицо, что в конечном итоге привело к психологической невозможности свободно творить.

Примечания

¹ Архив ГИА, ф. 448, оп. 1, д. 71.

² *Свиньин П.* СПургская современная летопись // Отечественные записки. – 1827. – Ч. 32. – С. 142.

³ *Глинка В.М., Помарнацкий А.В.* Военная галерея Зимнего дворца. – Л., 1981.

⁴ ГАКО, ф. 626, ед. хр. 1-18, д. 30.

⁵ *Вейнберг А.Л.* Крепостной художник Александр Поляков (1801–1835 гг.). – М., 1941. – С. 52.

⁶ ГАКО, ф. 626, д. 30.

⁷ *Курмачева М.Д.* Крепостная интеллигенция России II половины XVIII – нач. XIX в. – М., 1983. – С. 42.

⁸ *Киселёв П.Д.* Характеристики русских генералов 1820 гг. // Русская старина. – 1890. – Т. XVI. – Январь.

⁹ ЦГИА СПб., ф. 448, д. 71, л. 1–32.

¹⁰ Отчет Комитета ОПХ за 1829, 1830, 1831 г. – СПб., 1832.

¹¹ *Собко Н.П.* Словарь русских художников, ваятелей, живописцев, рисовальщиков, гравёров, литографов, медальёров... – СПб., 1899. – Т. 3.

¹² *Оленин А.* Краткое историческое сведение о состоянии имп. Академии художеств с 1764 по 1829 год. – СПб., 1928. – С. 77.